

Доктор философии Николай Михайлович Теребихин, по-морский исследователь метафизики Севера и религиозно-мифологического пространства северно-русской культуры, увидел космизм в живописи Сергея Сюхина и «глубинную русскость», пояснив: «Мир сверху, с птичьего полёта — свойство древнерусской литературы и иконописи». И ещё: «Подобное соположение небесной вертикали и панорамной земной горизонтали — основа поэтики композиций картин Сюхина».

Счастливец, он ребёнком ощутил эту ширь и даль своей земли, соединение её с высотой неба, когда шустро взмахивал на высоченную

сосну — и не одну деревню Пучугу видел перед собой, а неожиданно огромное, могучее и прекрасное все-ленское царство Севера. Не всякому дано так видеть. А он изобразит, как только окрепнет в нём дар живописца. Целый космический мир

перед нами на картине, названной просто, дорогими ему словами «Моя деревня» (1990). Да разве на одной этой картине живёт северное пространство. Во сне он не раз взлетал, отталкиваясь, над землёй. И плавно парил, и летел под свист воздуха неизвестно куда, в сказочную страну со скалами и другими, не явленными ему в реальности гиперборейскими чудесами, в том числе света, сияния, мастерски переданных акварелью в литографическом рисунке («Сон», 1990). Гиперборейское происхождение Севера не считает легендой: «Наши мастера не могли творить на пустом месте, естественно, что их душой и разумом управлял генетический код памяти о своей Прародине, Северной Гиперборее». Его с детства вело художественное чутьё, как говорится, он «душой мир видел». Богом данные дар и упорство, по его разумению, и сделают его своеобразным живописцем, графиком, скульптором и книжным иллюстратором одновременно.

Знак, какой дала судьба: он родился на старой родительской кровати (что было естественным для их мест пусть и в 50-е годы: 400 км от Архангельска, 900 км от Москвы) под васнецовской картиной «Богатыри»,

намалёванной отцом красками на клеёнке. Кроме копирования репродукций, отец любил изображать пейзажи родной деревни. Вернулся он с фронта раненым в голову и руку, и, хотя его нередко смущали боли, женился на лучшей в Пучуге девушке-отличнице и занялся, как почти все односельчане, главным промыслом — смолокурением, зарабатывал и плотницкой работой, и пастушеством. И всё мечтал, чтобы хоть один из трёх сыновей стал художником.

Радовало отца: младший любит рисовать. Где угодно, только были бы карандаши и бумага. «Альбомчик, карандаши — лежишь бывало на лугу, на травке, коровки ходят вдаль, а я рисую; на берегах речки мне часто попадалась глина — тут уж я не мог удержаться, чтобы не вылепить из неё разные фигуры!» С пяти утра он пас стадо — весь день, в любую погоду. И, девятилетний, гордился — может как завзятый пастух управлять коровами голосом. И охватывало его чувство свободы, «которое будто вытаяло из космоса». Особенно полно довелось ему впитать благодатную красоту природы, её тайны, когда «Господь сноровил» отца взять его с собой на целых три летних месяца пасти

Сергей Никандрович Сюхин — заслуженный художник России, живописец, скульптор, книжный график, родился 2 апреля 1952 г. в селе Пучуга Верхнетоемского района Архангельской обл. Окончил скульптурное отделение Абрамцевского художественного училища им. В. М. Васнецова и кафедру книжной графики львовского Полиграфического института им. И. Фёдорова. Участник областных, зональных, всеоюзных, всероссийских, международных выставок. Награждён дипломами за книжные работы. Кавалер ордена святого Станислава 3-й степени (2013); медалью Российской академии художеств (2009); Гран-при Международного славянского форума искусств «Золотой витязь» (2016). Почётный гражданин Верхнетоемского района Архангельской области.

стадо в двести голов молодых пер-
вотёлок.

Сел мальчишка в кожаное офи-
церское седло (на зависть сверстни-
кам) на кобылке Белоноске, и от-
правились они за 50 километров от
Пучуги. Уходили в длинную белую
ночь, когда светилось всё вокруг се-
верным слабым светом, возвраща-
лись под нависшим над ними купо-
лом, мерцающим драгоценными
серебряными звёздами. Шли под
травяным ветерком и останавли-
вались вдоль реки, чтобы молодняк
напитался полезными травами и на-
растил силы и здоровье, вернувшись
в хлева созревшими коровками.
А он гладил их, голубоглазых, це-
ловал розовые морды. Рисовал.
И опасного быка: «...глаза — с блю-
де, глубина — чёрная, как в космос
в них входишь». Постепенно с ним
подружился — кормил из десятили-
трового ведра. Столько за это время
впитал опыта и благодатной красо-
ты, которая и не снилась горожани-
ну, особенно столичному, запертому
в мёртвом каменном пространстве
под искусственно освещённым не-
бом. (Недаром ринулся городской
люди туристами с тяжеленными рюк-
заками, палатками и песнями за
этим самым на Север в те же годы).

Дома «сквозь сладкий утренний
сон начинаю улавливать близкие
знакомые шорохи — это мама кол-
дует длинной лопатой по сводам
огромной старой русской печи, на
которой я сплю. Но просыпаться
не хочется. Втягиваю носом воздух,
чтобы понять, с чем сегодня ша-
нежки: с творогом или картошкой.

Мама тихо шепчет сама себе: «Слава
Богу, сегодня удача!» Я спрыгиваю
с печи...» Вечером его ждали с гар-
мошкой девчонки на танцах — он
и это умел мастерски. Гармонист —
первый парень на деревне. Разве по-
том отоспишься? Утро уже не за го-
рами. А дома так хорошо...

Это был классический северный
дом со столетними звуками и запа-
хом, с двадцатью дверями, ведущи-
ми в избы летние и зимние, в хозяй-
ственные пристройки, двор с незри-
мым присутствием предков. Фёдор
Абрамов так и назовёт последнюю
часть северной эпопеи о Пряслиных
«Дом», описав добротность и осно-
вательность плотницкой работы,
восхитившись отборным лесом —
«звоном звенит» и не стареет, как
новенький. «Тут жил богатырь — до
того крупно всё, размашисто — по-
веть, сени, избы. Хоть на тройке
разъезжай... А может быть и в са-
мом деле раньше жили богатыри? —
рассуждает герой. — Ведь чтобы
выстроить такие хоромы — назва-
ние-то какое! — какую душу нужно
иметь, какую природу натуры, какое
безошибочное чувство красоты!».

Из такого Дома уедет Сергей сем-
надцатилетним поступать в абрам-
цевское художественное училище
им. В. Васнецова. «Это меня земля
Сергия Радонежского призвала».
Правда, после 8-го класса он пробыл
год в архангельском лесотехниче-
ском техникуме. Но этот год он весь
употребил на подготовку к экзаме-
нам: рисовал и лепил денно и нощ-
но, целенаправленно; родной дядя,
окончивший московский Полиграф,

за ним приглядывая, давал советы. Сдал экзамены на скульптурное отделение чудо как хорошо. И учиться будет также хорошо, неумоимо, радуясь учёбе и жалея, что внезапно скончавшийся ещё молодым отец об этом не узнал. Как же, совсем рядом жило великое искусство. А он должен стать Художником. В абрамцевскую усадьбу входил, сняв обувь, босым, прикасаясь обнажёнными ступнями к святой для него земле: «кожей её почувствовать». Там уже душа раскрывалась навстречу Васнецову, Серову, Полену, Врубелю, что творили здесь, в благословенном имении Саввы Мамонтова, и чьи картины он немедленно, став студентом, помчался смотреть в Третьяковской галерее.

И ещё одно чудо произошло в этих пропитанных русским искусством, русским духом залах. Среди могучих баталий Верещагина его взгляд внезапно задел небольшой этюд: на нём в тёмном пространстве церкви изображён удивительно красивой резьбы деревянный столб. Где он видел похожие? Подошёл ближе и прочёл на этикетке: «Резной столб в трапезной Петропавловской церкви в селе Пучуге», 1894 г. (Этот этюд красовался на выставках В. Верещагина и в Русском музее, и в Третьяковке на Крымской набережной несколько лет назад).

Боже мой, его родная Пучуга заслужила место в Третьяковской галерее! Верещагин оценил талант его земляков. Да и как иначе — какие мастера в их краях жили: и резьбой славились, и узорной росписью

прялок! Про дома — и говорить нечего. Узнал Сергей: путешествовал Василий Верещагин как этнограф по Северной Двине и останавливался в Пучуге. Впрочем, художник сам написал, как любовался северной зарёй, «ровно горящей за всю короткую двух-трёхчасовую ночь», тихой водой, «в которой отражались берега с деревьями и кустарниками, яркая заря... Глядя на её движение, много и долго думается, так долго, что уже за полночь, и не решаешься расстаться с палубой...»

Заинтересовала Верещагина церковь: она стояла на левом, высоком берегу Северной Двины, построенная по всем канонам северных храмов. Но вот, что отмечает художник: «В виденных мною деревянных церквях я ещё не встречал таких оригинальных архитектурных частей, как помянутые колонны (он прежде назвал их чисто русским стилем, вместившим в себя несколько европейских) — две в самой церкви и две в трапезе; вторые, как подпирающие низкий потолок, пузаты, приземисты, первые — высоки, стройны, и те, и другие расписаны, но краски уже послезли». Оставшись на несколько дней, Верещагин сделал несколько этюдов и побывал на празднике Петра и Павла (по новому стилю 12 июля, а по старому — в самом конце июня).

Церковь скоро перенесут в другое место, чтобы её не подмыло рекой. Потом от неё останется только нижняя часть, в советское время она станет школой, и в её классы с намоленными стенами, почерневшими от

времени, будет ходить вместе с другими ребятами наш Сергей Сюхин — пустяки: туда всего пять километров пешком. Село его, Пучуга, протянулось почти на двадцать километров, вбирая в себя деревню за деревней.

И решил Сергей вернуться в свои пенаты, посвятить себя, своё творчество родному Северу, односельчанам. Тем более, и невеста его заждалась, голубушка. С ней вместе ходили в школу, бегали на реку. С какой нежностью он напишет её девчонкой в красном платочке, с осторожностью скользящей по льду реки Курьи на снегурках, прикреплённых к валенкам им обструганными палочками с верёвочками. И себя чуть поодаль, бережно за ней приглядывающим. Украсит картину морозным розовым днём, цветным, ещё звенящим лесом, деревянной церквушкой на горушке, будто их благославляющей с высоты. Вспомнит: было это в 7-м классе («По первому льду», 2016).

«Талант, — писал в трактате об искусстве далёкий Шарль Бодлер, — и есть вновь обрётённое детство, но детство, вооружённое художественной силой и аналитическим умом, которые позволяют ему упорядочить в процессе творчества сумму произвольно накопленного материала».

А он на всех парах мчался в Пучугу, мысленно готовясь к свадьбе и нимало не жалея, что раздумал поступать в Суриковский, где на просмотре высоко оценили его рельефы, удивившись: он всего-навсего выпускник Абрамцевского училища. Свадьбу, как любят говорить в народе, «сыграли» через год (Вера закан-

чивала в Архангельске пединститут). Он её именно «сыграл». Незабываемо для всех. Да и как забыть! Эскорт из восьми лошадей отправился по первопутку за пять километров в сельсовет, на регистрацию брака. Женных с невестой в расписных саночках-кошёвке мчатся, возница только вожжами взмахивает да покрикивает. За ними в санях-розвальнях — гармонист с поющими девчатами. А дальше — сани, битком набитые возбуждёнными гостями и сельчанами. Дуги у лошадей — с колокольчиками и лентами. В глазах старушек, вышедших посмотреть на такое диво, Сергей на мгновение увидел тихую радость воспоминаний молодости.

Станет для него жена берегиней: «Судьба жены — ждать мужа с поля брани или отхожего промысла. И мы, мужики, когда знаем, что ждёт нас в родном доме уют и тепло, молитва и любовь, то любые преграды преодолеем, хоть и полуживые, приползём к родному порогу, да ещё с добычей в зубах к ногам любимой берегинюшки. И у меня у самого много раз так бывало». Вот он и сваял, и была отлита в бронзе скульптурная композиция «Русским жёнам-берегиням семейного очага». Водрузили её на гранитный постамент в конце пешеходной архангельской улицы Чумбаровка подле старинного усадебного дома (2013). Красивая нарядная молодая женщина сидит за прялкой. На коленях — небольшое Евангелие: «...творит молитву, чтобы живым-здоровым вернулся любимый суженый». В старинном сарафане,

в повойнике на голове. У ног малое дитя и кот — символ домовитости. Всё в натуральном виде. Ходят люди, говорят: «как живая». Есть в творчестве Сюхина, в его скульптурах, и в картинах, и в иллюстрациях исповедальность, что притягивает зрителя.

Скульптурная композиция «Русским женам-берегиням семейного очага».

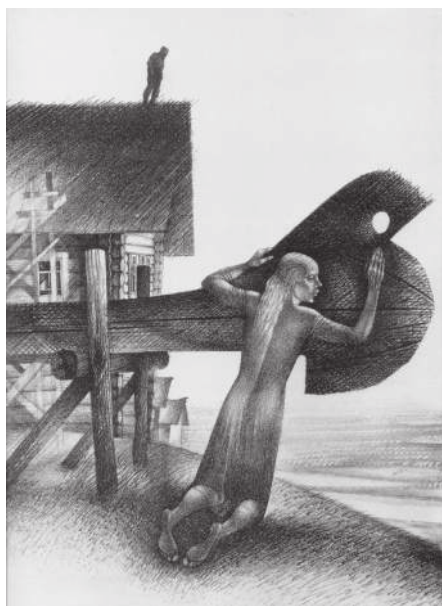
Архитектор Д. Яскорский.

Бронза, гранит, 2013

Но это рождение мастерского скульптора-портретиста произошло позднее. А пока в 1981 году он поступает во львовский Полиграфический институт имени первопечатника Ивана Фёдорова. Желает овладеть техникой литографии — рисунком

на камне. Увиденные им литографские камни поразили его в печатной мастерской института. Сергей приглядывался, как работает в литографской Юрий Чарышников, прославленный иллюстратор. Рисунок рождался острый, сложный, наполненный непростыми значениями, как и все композиции. В институте Чарышников на старших курсах стал сюхинским педагогом.

И вот перед нами графическая сюита из чёрно-белых литографий на тему романа Фёдора Абрамова «Дом». Выбор Сюхиным именно этого произведения не требует объяснений. В нём всё родное, понятное и прожитое художником.

По мотивам романа Ф. Абрамова «Дом».
Литография. 1987

Глубоким смыслом проникнута выразительная композиция с конём-охлупнем. Разместил это создание рук человеческих художник в центре листа, укрупнил, придал монументальность. Поза Лизы, «жившей по законам своей совести», опустившейся на колени, прижавшейся к необъятной шарообразной конской груди, глядящей её усталой рукой, её страдальческое лицо с мелькнувшей улыбкой (психологизм образа превосходен) — всё говорит, как дороги ей дух русского Севера, память обо всей прошлой жизни. Скоро конь будет водружён на старый пряслинский дом, который восстанавливает брат Пётр, и начнётся с ним новая жизнь. Сухин приподнял конь-охлупень, положив его на козлы, и очертил место так, что стало оно краем земли, а конь, оказавшись в воздушном пространстве, соединил между собой землю и небо и бескрайнюю, едва намеченную даль. Возник тот «космизм», который проявил замысел художника. Завершается композиция трагической фигурой Петра на краю крыши дома, символизирующей желание русского человека оставаться самим собой в тяжёлые для России дни. Петра он нарисует ещё не раз — крупно, портретно, в глубокой задумчивости, когда на чердаке своего дома он находит сундучок со старыми документами. Читая на его лице не простые думы, не только личные... И на сенокосе, этой счастливейшей для всякого крестьянина страде, с косой в натруженных руках, возвышающегося аж до высокого неба, где Сухин на-

ходит место и сельцу с деревянной церковью, и крошечному паруснику на реке, и летящей птичьей стае, превращая их в символы устойчивости и крепости своей Родины.

Пряслинский сосед, непутёвый Егорша, предавший свой дом и любовь Лизы, безнадёжно сидит на венском стуле у разрушенного им же дедовского дома, опустив плечи и голову, беспомощные, усталые руки. Лежит рядом ненужная лопата, стоит пустая бутылка, — всё, что осталось от его никчёмной жизни.

Вся сюита на тему абрамовского «Дома» строится на энергичных ритмах чёрного и белого, на безукоризненно точном, психологически разработанном, крепком рисунке.

Также художник распорядится с прозой близкого ему по духу и стилистике Астафьева. Всё для него в ней родное, хотя и сибирское. Побывал он в Сибири, не с чужих слов рисовал. Иллюстрации к двум рассказам Астафьева «Монах в новых штанах» и «Конь с розовой гривой» исполнены в разных техниках. «Монах в новых штанах» (это прозвище, данное семилетнему Вите, шпанистым мальчишкой, от лица которого ведётся рассказ) — великолепный рисунок мягким карандашом, создающий художественные композиции из обыденной повседневной крестьянской жизни. Композиции полны реальных деталей, прописанных художником с величайшей тщательностью и любовью. Тут, как всегда у мастера, соединение всего в единый художественный образ.

Вибрация света и точное распределение теней, тёмных, доведённых до глубокой черноты пятен, волей художника создают гармонию между предметным рисованием и органичной цельностью изображения, превращающей иллюстрацию в произведение искусства. В минорно-поэтической интонации решена ночная сцена — мальчик, развёрнутый к нам спиной, присев на пенёк, любуется у воды таёжными далями. Композиция почти вся погружена в чёрное, ночное, состояние, и только в глубине листа — сгусток света, находчиво отражённый на крае лица и шеи мальчика. Мажорно звучат деревенские сцены с дойкой коровы, с чаепитием в избе, вот где глаз вновь любуется каждой деталью! С комическим лаем собак вслед бегущей с ведром на одном роге корове, с решительными шагами Вити вдоль деревни с узелком в руке, упомянутом Астафьевым. Всё озарено светом. Знакомый ритм последнего рисунка — фигура мальчика традиционно укрупнена, возвышается над домами.

Иллюстрации к астафьевским рассказам помечены 1990 г. А в конце 80-х Сергей едет в Москву, в издательство «Детская литература». Главный художник Борис Аркадьевич Диодоров, знаменитый иллюстрациями к сказкам С. Лагерлеф и А. Милна, без преувеличения, приходит в полный восторг от предъявленной ему папки с книжной графикой. Наконец-то перед ним художник, который справится со сборником сказов о народных умель-

В. Астафьев. «Монах в новых штанах».

Иллюстрация. Карандаш. 1990

цах, творцах разных чудес. Он восхищён работами: видит в них доброту и свет, лукавый тонкий юмор, духовную неповторимую наполненность, профессиональную точность и, естественно, точность этнографическую. И столь необходимое владение книжным ансамблем. Да и сам северянин ему по душе — скромностью и неназойливостью, слышной в его речи. Мягкое певучее «о» и чуть вопросительная интонация — будто спрашивает собеседника, деликатно себя не навязывая. Самобытный человек, справится.

Сборник объёмный, состоящий из былей и бывальщин, сочинённых по народным образцам разными писателями — и хорошо ему знакомыми, близкими, и неизвестными, да

и по почерку, по стилистике, по мировоззрению мало похожими друг на друга: Бажов, Шергин, Писахов, Афоньшин.... «Палей и Люлех» — назвали составители сборник по одному из сказочных рассказов. Звонкой, броской получилась обложка. Мчатся герои на запыхавшихся, смешных в своей старательности медведях. Диагональная композиция, полосы света на чёрном усиливают движение, выразительность обложки. Но деревенские мужички в белых рубахах и портах рисуются спокойными, рассудительными — это художники, мастера своего дела, по их именам будет названо прославленное искусство росписи на лакированных шкатулках: палех. Расцветит акварелью Сухин картинки и народных творцов изобразит с доброй улыбкой. Они — лихие, свободные люди. И приволье матушки-Руси создаст в пейзажах, блеснёт композиционным мастерством, разукрасит книгу изящными миниатюрками — и цветными, и чёрным карандашом. Диодоров тут же предложит ему ещё одну толстенькую книгу — «Легенды о мастере Тычке» Ивана Панькина, он и с этой справится на славу, сумеет решить её в иной стилистике (1989). В 1990 году на Всесоюзном конкурсе «Искусство книги» его цикл к «Палею и Люлеху» удостоен диплома 1-й степени.

В детстве Сухину посчастливилось держать в руках рукописные книги с миниатюрами, расписанными монахами в монастырях. Хранились они у родственницы Парасковьи Игнатьевны, в тайной

домовой церковке с иконостасом, с иконами местного письма. И он, мальчишкой, замирал, как когда-то Иван Бунин перед Михаилом Архангелом, перед святыми угодниками, ангелами с крыльями и пугался чертей, варящих в адских котлах грешников. Приходили туда тайком православные молиться по церковным праздникам. Никто не выдал. Да в Пучуге в открытую в советское время праздновали и Пасху, и Рождество, и Троицу, и Петров день, накрывали столы, танцы устраивали. Словом, жили общинно и сохраняли обычаи и привычки незапамятных времён. Дети без понимания азартно «гуляли» вместе со всеми. Не изживаемы традиции отцов и дедов, и

«Бывший первый парень на деревне».

Бронза, 2015

прадедов, проживавших жизнь без крепостного права, без раболепия, чувствовавших себя хозяевами земли, своего труда. Недаром на лицах северян и сибиряков, их манере общения лежит отпечаток внутреннего достоинства. Ни одно революционное потрясение, считает Сюхин, не искорёжило их жизнь, не лишило сознание общинности, как страшные для страны 90-е годы, которые, по чьему-то легкомыслию называют «лихими». В слове «лихие» положительное имеется. А тут что-то похожее на самоистребление началось.

Сергей Сюхин в те годы не растерялся. Оставшись как многие не у дел, он ринулся спасать семью (две дочери росли), — уехал в Норвегию, захватив работы. Благо, дружественная испокон веков страна была рядом. Там его искусство скоро признали галереи, зрители, он много работал, устраивались выставки в разных городах. И вот, что написал посол Норвегии в России Дагфинн Стенсет: «В произведениях Сюхина сосуществуют исторические корни и вера в будущее, столь необходимые для построения новой России». Посол отметил: Сюхин «внёс свой вклад в сотрудничество Баренцева региона». А Сергей вручил премьер-министру Норвегии Х. Бундэвику написанный им портрет Генриха Ибсена.

Через пять лет художник вернётся на родину, и наступит новая пора в его творчестве. Он снова займётся скульптурой и скоро достигнет поразительного успеха. Кстати, владение скульптурным искусством всегда чувствовалось в его графических

образах — в нарисованных фигурах есть объём, придающий образам монументальную значительность и ещё большую индивидуальность рисунку.

Надо приехать в Архангельск и побывать на пешеходной улице Чумбаровка с сохранённой застройкой и Берегиней — увидеть героев Сюхина в подлиннике. Увидеть, как отлитые в бронзе, по незримой дуге приветствуют друг друга и нас заодно — Шергин, Писахов, писаховский мужик на налимe и даже вымышленный Козьма Прутков — тоже, оказывается, уроженец Севера. Всё с изумительным портретным сходством,

**Скульптурная композиция
«Кудесник северного слова». Б. Шергин.
Архитектор Д. Яскорский.
Бронза, гранит. 2013**

этого умения Сюхину не занимать. Они не держат руки сожатыми на коленях, не обуты в одну и ту же обувь, как нынче принято. У каждого — свой характер, своя повадка. Сердечный любимец скульптора Шергин — «Шергинушка» — сидит на краешке стула, бережно прикасается босыми ногами к матушке-земле, руки его раскрыты навстречу зрителю — ладонь тепло излучает. На лице — особенное, возвышенное выражение. Он диалог ведёт не только с нами.

А пройти дальше — мужик из писаховской сказки, радуясь всему на свете, аж взмывает, взгромоздившись на роскошную рыбку. У бронзового Писахова — он встал на перекрёстке Чумбаровки с Поморской — золотится от пожатий протянутая рука и даже нос. Вылепил его Сюхин таким, каким писателю и художнику хотелось быть. В старомодном пальто, поношенной шляпе. С авоськой в руке, набитой свежей сельдью из ближайшего магазина. Лицо — умное, выразительное. Ещё в 20-е годы Писахов, писатель и художник, занимаясь изучением местного фольклора, как говорит его биограф, опростился, «надел карнавальную маску бахаря-сказочника, выбрал образ чудака и тем самым сохранил за собой право на озорство, непосредственность в словах и делах». Сказки он стилизовал под народную речь и фантазию. Всё от имени Сени Малины, реального сказителя.

Для нового сборника 2016 г. писаховские сказки он отбирал, стараясь избегать резких нападок на «попов» и градоначальников. (Дело-то

Скульптурная композиция по сказкам С. Писахова «Архангельский мужик».

Бронза. 2009

происходило в «старорежимные времена», при урядниках). Правда, хитроумный Писахов народным присловием предупредил: «Нелюбо — не слушай». Художник своё название дал сказке «Как поп работницу нанимал» — «Архангельская богатышка»: кто ж не знает знаменитый афоризм «И спи — отдыхай». Он воспел талант неутомимой северянки, придумал ей замечательный облик, будто светящейся. С улыбкой, не сходящей с лица, она — с северным достоинством — покидает дом жадного попа; без юмора, а может быть, и сатиры, в рисунках не обошлось. И, как всегда, «ухват дружит с горшком, а ведра по воду ходят».

Особенно звучит любимая художником тема — полётов. Он и сам тут

поднимается. Две реплики у Писахова: «Я на налима верхом вскочил, в прорубь выскочил, на лёд налима вытащил». А потом — «рыбину под мышку и прямиком на Соборную площадь». Сюхин выбирает первую и поднимает молодого Малину на налиме в небо, разворачивает его фигуру так, что красная рубашка становится центральным пятном — символом победы. Несёт мужика огромная рыба ввысь, а тот от радости таращит глаза, кричит на всю вселенную. Весёлыми звуками полнится картина. Образ лихого рыжего, бородатого сказителя проходит почти через все рисунки, объединяя их в единое жизнерадостное целое, помогая читателю-ребёнку следить за происходящим, влюбляя в человека Севера, а заодно и в живность — её в рисунках пруд пруди. Тут и простодушные медведи, белые и лесные, и солидные моржи, и преданные лошадки, и летящие с раскрытыми клювиками сороки, и глупые волки. Без смеха на этот bestiарий смотреть невозможно. Особенно на валяжного кота; домашние коты — особая страсть художника.

Богатство ритмических композиций неисчерпаемо. Есть в сказке «Яблоней цвёл» поэтический момент, как Малина стал яблоней, «ноги — корнями, руки — ветвями», и яблоки на нём «спеют, наливаются, румянятся». Всемирный образ всеобщего счастья, а деревня его колыбель — вот, что родилось у Сергея Никандровича Сюхина. И возвышается над этим светлым радостным миром (синее-синее небо, красные яблоки)

значительно улыбающийся русский мужик, торжественно раскинув руки с яблоками, растущими на густых зелёных ветвях. Как убедить новое племя хранить землю предков, её предания, как передать ему эстафету любви? Вот тревога и забота рачительного художника.

Не может Писахов удержаться, иронизирует над всем церковным. Вот и в сказке «Гуси» не угомонился, дал попу имя Сиволдай и представил его обжорой и пьяницей. Сюхин смягчил интонацию, подал сюжет с милым юмором. И батюшка не без греха, случилось, выпил и закусил, и вознесли его гуси-лебеди высоко в небо, так ему и чудится: ближе он к Богу, вот и улыбается блаженно.

Изобретательный Сюхин много всего не без юмора напридумывал

С. Писахов. «Сказки».

Иллюстрация, акварель. 2019

во славу родных северян, не повторяясь в многодельных, ярких, сочных композициях, и получила его книга в Москве в 2013 г. диплом, заняла место среди лучших на международном конкурсе «Образ книги».

И тут мы должны остановиться, как думается, на самых, возможно, проникновенных его созданиях — живописных портретах близких ему людей — и по прямому родству, и по духу. С душевным волнением глядяешься в эти портреты. Не всегда нынче выпадает такое счастье. Портрет старшего брата, одухотворённый поэтической думой; портрет старушки в платке, молящейся по дороге к храму, переполненной такой небесной радостью, какой не удалось увидеть ни на одной картине других художников — «Христос воскрес»; портрет почитаемого всеми умельца, серьёзного человека Фёдора Кузнецова в картузе, а за ним — его по-народному своеобразная цветочная роспись на двери дома. Поместил Сергей Сюхин эти портреты на сакральных для него вратах. Редкая по смысловой и художественной выразительности получилась экспозиция на его персональной выставке в Архангельске. Не только конь на крыше, но и входная дверь в северном доме имеет сакральный, языческий смысл. Дверь не запирали, чтобы могли войти в дом души предков. «Дверь, — пишет Сюхин, — самая знаковая часть, она хранит тайну всех поколений, живущих в доме, хранит уют и покой, сберегает традиции». Она — врата памяти.

Отдельно в этом ряду стоит портрет Шергина. Слагатель творений, посвящённых родному Северу, давно уже признан как писатель «необыкновенной северной красоты» (Ю. Коваль). Более того, в нём разглядели черты святого человека, «стяжавшего душевный мир и радость сердечную» (Е. Галимова). Для Сергея Шергин — олицетворение духовности, он перед ним преклоняется. И создаёт образ, близкий иконописному. Фигура почти бесплотна, она облачена в простую рубаху, воспринимаемую как золотая риза, божественное свечение исходит от картины. Шергин в молении: лицо его обращено ко Всевышнему с тайной молитвой о спасении родной земли. На столе, покрытом красным, перед ним — Евангелие, на странице которого покоится левая рука. Правую он держит у груди жестом Преподобного Сергия Радонежского, «к которому мечталось Борису Викторовичу в старости приблизиться. Быть на него похожим», замечает художник. Богатство тончайших цветовых оттенков укрупняет изображение. Сам образ укрупняет проект «Врата памяти».

Под таким названием в 2016-м проходила в Москве, в музее Современного искусства на Петровке, персональная выставка С. Сюхина. Её торжественно открывал народный артист России Николай Бурляев. Президент Международного славянского форума искусств «Золотой витязь», он в этом же году вручал от лица «Золотого витязя» художнику-мастеру награду за вдохновенное

и глубоко национальное творчество, выразившееся в осуществлённом проекте «Врата памяти». А через несколько лет начнётся их совместная работа над изданием детской книги «Бемби». Мало кто теперь, вероятно, помнит фильм 80-х годов «Детство Бемби». В титрах сообщалось: он снят по мотивам сказки Ф. Зальтона «Бемби», авторы сценария Ю. Нагибин и Н. Бондарчук (она же режиссёр), стихи Н. Бурляева. 34 года пролежала пьеса, написанная Николаем Петровичем на основании его стихотворных текстов к тому фильму. И он решает её издать с иллюстрациями архангельского художника, поразившего его близостью взглядов. Почему это произошло в сегодняшние дни — станет понятно из авторского предисловия: «Сказка повествует о добре и зле, о любви и радости, о гармонии души и Природы, о смерти и бессмертии, о соединении земного и Вечного, о светлом единстве всего рождённого Создателем». «Злых сердцем наш Создатель не рождает. // Жизнь есть Любовь. Пусть это дети знают». Это концовка пьесы и эпиграф к ней.

Для визуального воплощения этого замысла и был приглашён наш художник. Как сообщается в выходных данных, С. Сюхин не только иллюстратор, ему принадлежит концепция издания и его драматургия. В книге торжественно-большого формата иллюстрациям принадлежат полные страницы и развороты. Они выглядят картинками. Они насыщены светом и воздухом. В них — сюзинская любовь к северным бес-

крайним просторам неба и родной земли, любовь к живой природе — от оленёнка, его матери до прочих животных, виртуозно размещённых в композициях листа. Акварели художник исполнил на левкасе, загрунтовав бумагу, как грунтовали иконописцы деревянные доски, что усиливает впечатление. Вот и захватил Н. П. Бурляев «Бемби» на Красную площадь, на книжную ярмарку, и показал книгу всему миру по ТВ. И прозвучало это вызовом жестокому врагу — пандемии, накрывшей Москву.

Сергей Никандрович Сюзин пребывает либо в архангельской мастерской, либо в Пучуге, где не сидит без дела, либо в Смоленске на заводе, где отливаются его скульптуры. На них по всему Северу спрос. Вот и на Соловках появилась его скульптурная композиция — памятник юнгам, что учились там в годы Великой Отечественной войны в специальной школе морскому делу и отправлялись на военные корабли радистами, сигнальщиками, мотористами. Почти 4 тысячи ребят из разных мест страны окончили эту школу, после войны их осталось тысяча. У берега Белого моря, на древнем соловецком камне — двое. Один сосредоточенно смотрит в бинокль, другой, став на колено, изучает карту. Развешаются ленты на бескозырках... Композиция полна движения и романтики.

А на Ледовитом океане, на архипелаге Новая Земля, на просторной площади посёлка Белушья губа — монументальный памятник ядерному щиту, исполненному по проекту

Сюхина и архитектора Д. Яскорского. Скульптурная композиция поставлена в 2014 г. в память 60-летия Центрального ядерного полигона на Новой Земле и символизирует мощь русского Отечества. На могучих гранитных пилонах, устремлённых ввысь — выразительные горельефы учёного, строителя, военного моряка и лётчика, участников создания надёжной защиты Отечества.

Волнующе выглядит монумент Павшим в боях и в его родном селе — в Пучуге, раскинувшемся вдоль Двины километров на 15, куда входит 20 деревень. С Великой Отечественной войны не вернулось 400 пучужан. В 45-летие Великой победы в 1990 году в селе и был поставлен Сухинский памятник. Скульптор рассказывает: «Боковые блоки, где расположены фамилии погибших, венчают два деревянных коня-охлупня. Этим я хотел сказать, что души земляков, павших в далёких чужих палестинах, вернулись под покров родного дома. На центральной стеле помещена ждущая мать, выполненная в медной выколотке. Здесь меня впечатлил мой любимый Виктор Попков с его картиной, посвящённой вдовым. Уж как слёзно молились матери за сынов, чтоб сноровил Господь вернуться им домой, поэтому над матушкой расположен православный крест. Венчают стелу звёзды, символизирующие космос, и журавли, постоянно парящие над нашей древней Жаравинской (где и расположена наша родовая усадьба). По весне перелётные птицы стремятся на прародину, Русский Север, в родную

Гиперборею и, завидев стальных журавлей, снижаются над памятником. В этот момент у меня и моих земляков наворачиваются слёзы благодарности за всё земное, несущее память о наших отцах. Памятник выполнен из нержавеющей стали, отлитой в Северодвинске, где создаются подводные субмарины, которых страшатся враги, как бесы Христа».

Тема русской женщины, «жёнки», не оставляет неутомимого и изобретательного скульптора. В прошлом году село Веркола, что пять веков стоит на высоком берегу реки Пинега, отмечало два столетних юбилея: великого земляка Фёдора Абрамова и его жены Людмилы Крутиковой-Абрамовой, литературоведа, прозаика, а главное, его «берегини», как называл эту сильную самоотверженную женщину Сергей Сухин: «Чтобы сачочки писателя не опрокинулись на очередном ухабе». Ей завещал Абрамов: «Живи, заверши мои писательские дела». Людмила Владимировна помогала в создании Веркольского литературно-мемориального музея Ф. А. Абрамова, стояла у истоков фонда «Духовное возрождение Пинежья». Сохранилось давнее выступление Фёдора Александровича на телестудии «Останкино»: зашёл разговор о его героинях, спросили, как он относится к русской женщине. «Я, пожалуй, встану», — сказал Абрамов и поднялся. В тишине прозвучали его торжественные слова: «Русская баба, русская женщина достойна самых великих памятников».

Вот такой памятник, отлитый в бронзу, и поставлен в селе — непо-

далёку от двух могил с крестами, что у дома писателя на Абрамовском угоре. К известному на русском Севере ваятелю, Сергею Никандровичу Сюхину, обратилась заместитель председателя комитета по вопросам семьи, женщин и детей Госдумы РФ Елена Андреевна Вторыгина. Её заказ поддержал другой патриот края — Владимир Фёдорович Буторин, генеральный директор группы компаний «УЛК». Предложили создать образ женщины-труженицы времён Отечественной войны. Возродились меценаты на Русском Севере, знающие деревню не понаслышке и на себе испытавшие, что такое упорный труд. «Сразу передо мной возник образ моей матушки, — рассказывает Сюхин. — В босоногом своём детстве я помогал ей поднимать тяжёлый бехтерь с травой, которую она несла с заливных лугов, чтобы накормить нашу коровушку Зорьку. В старших классах вместе с ней ходил в поле за сеном. Мужики в нашей Пучуге носили сено, затянутое верёвками, а женщины переносили его в бехтерях — больших корзинах из дранки. В те времена натоптанные тропки были по всей округе как шёлковые. Все от мала до велика любили ходить босиком, чтобы чувствовать кожей дыхание земли-матушки. Мужики были на фронте, и, как говорил Абрамов, «всю тяжесть войны жёнка вынесла на своих плечах». Вспомнил и другие слова Фёдора Александровича: «Нам надо увековечить в памятнике не те “грудастые”, помпезные героические символы, а хрупкую деревенскую женщину с внутренним

стержнем». Поэтому моя женщина-труженица не широка телом, но крепка духом, ведь и героини романов самого Абрамова, Пелагея и Лиза, сухонькие, что называется, «кость да жила — вот и сила».

Замечательно угадал этот замысел петербургский режиссёр, знаменитый Лев Додин, увидев на фото сюхинскую скульптурную композицию. Поставивший 30 лет назад ещё в Малом драматическом театре (теперь Театр Европы) прогремевший на всю страну спектакль-тетралогию «Братья и сёстры» по произведениям Абрамова, он и сейчас дружит с веркольцами и называет прочувственно себя их земляком, а Верколу малой родиной: «Я считаю — скульптура женщины получилась трогательная и, важно, без гигантомании. Может быть, кому-то покажется — на получилась слишком изящной, но на самом деле это так и есть: женщины-труженицы всегда были хрупкими».

Фигура этой стройной северной русской «жёнки» в деревенском платочке и её малыша, ухватившегося за материнскую юбку, полны движения. Сфотографированные в разных ракурсах, они словно идут, устремлённые вперёд, несмотря на тяжёлую ношу уставшей женщины: она — широкоим уверенным шагом, мальчик в рубашонке — подпрыгивая. Идут понад Пинегой, над её просторами, над заливыми лугами, мимо веркольского старого амбара, а впереди — тенистая красавица-лиственница, возраст её не сосчитать. Тут они и остановятся. На отдых... По цвету и по фактуре скульптура чудесным образом вписалась в деревенскую архитектуру, слилась с ней, как родная.

Руки ваятеля лепят оленевода, геолога — в полный рост, бюст снайпера Розы Шаниной из Устьянского района, погибшей в конце войны, художника А. Борисова у мольберта, автора картин о русской Арктике, и даже ослепшего бывшего первого парня на деревне с гармонью в руках на земном шаре — дорогих ему людей родного Севера, для каждого находя своё образное решение, нигде не повторяясь. Не забыт и Михайло Ломоносов; остроумно дан характер великого помора, без всякого заискивания перед его величием.

В 2020 г. на Севере торжественно отмечалось 400 лет со дня рождения протопопа Аввакума (1620–

1682), «великого пустозерского страдальца», как его называют поморы. Неистовый борец за свои убеждения был живьём сожжён на костре в Пустозерске. «Правда Севера» писала: «Рождённый в Нижегородской земле, он прошёл длинный путь от придворного ревнителя благочестия до бунтовщика, сожжённого на костре. На Русский Север власти сослали протопопа Аввакума и других, недовольных новшествами, борцов за старую веру. Северу была отведена роль сурового тирана, исполняющего волю церковной верхушки и самодержавия. Но вышло иначе... Здесь, на Севере, им самим написанное автобиографическое житие стало настолько значимым произведением своего времени, что протопопа Аввакума даже называют «родоначальником русской литературы». Состоялся крестный ход. В Нарьян-Маре Аввакуму открыт памятник.

Создавать его досталось Сергею Сюкину. Он с честью прошёл испытание: на международном конкурсе,

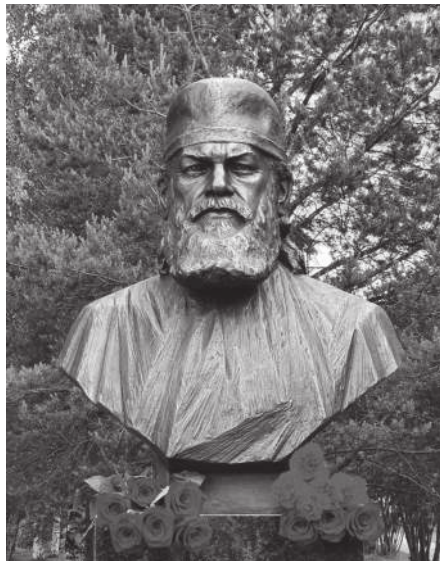

проходившем в Москве, старообрядцы, члены жюри, его скульптуре единодушно присудили 1-е место. За основу памятника им взят медный складень с перегородчатой эмалью, сакральный символ старообрядчества — в давние времена старообрядцы с ним не расставались. Образ Аввакума тронул их душу. Он босой, в ветхой одежде. Его фигура выразительно выступает из складня, правая рука вскинута ввысь с благославляющим двоеперстием. В левой руке держит свиток — как знак первого русского писателя. Формой и пластикой памятник замечательно вписался в ансамбль церковного комплекса в Нарьян-Маре.

Не пройдёт и года как в Архангельской области появится скульптура другого русского святого человека — врача-хирурга, доктора медицинских наук, доктора богословия, профессора, архиепископа, святителя Луки — Валентина Феликсовича Войно-Ясенецкого (1877-1961). 90 лет назад он прибыл сюда по этапу из очередной ссылки, перенеся невероятные невзгоды и продолжая совершать медицинские чудеса даже за Полярным кругом, считая: «страдания так удивительно очищают душу». Его автобиографическая книга так и называется «Я полюбил страдания». И был направлен врачом в котласскую городскую больницу. За короткое время, меньше чем за год, он прооперировал сотни больных, борясь за жизнь каждого «живого, страдающего человека». Продолжал писать книгу «Очерки гнойной хирургии», разрабатывал новый метод

лечения гнойных ран. Не забывал проповедническую деятельность, за которую и был арестован в 20-е годы (власти ему не раз предлагали, ради свободы, лишиться сана, отречься от православной веры. Он стал лауреатом Сталинской премии, хотя реабилитирован был лишь в 1958 г.).

В 2015 г. в городе построили часовню, освящённую именем святителя Луки. А ещё раньше, в 2007 г., по почину тогдашнего главного врача Сергея Суханова, имя святителя Луки присвоено городской больнице. И теперь возле появился бюст святителю Луке работы Сергея Сюхина. Зачинатель его создания и установки — заслуженный врач России Сергей Суханов. Поддержал эту инициативу, в том числе и финансово, известный котласский предприниматель Андрей Стрекаловский. Такие люди на нашем Севере.

Памятный бюст торжественно открыли напротив центрального входа в Котласскую городскую больницу 11 июня. «Сюхин создал образ аскетический, сильный — образ воина во Христе, стоявшего за высокие идеалы Спасителя в условиях невероятных. Удивительно живой, не лапидарный, приблизивший Святителя Луку и к нашему времени и к сердечному его восприятию. Образ вступает в связь с душой сразу, трогает до слёз», — читаешь в одном из отзывов. Врачи, весь персонал больницы встретили Сюхина долгими благодарными аплодисментами.

...В последние годы из-за большой занятости в скульптуре ему мало времени удаётся уделять книжной иллюстрации. «Начал работу над

иллюстрациями к Борису Шергину, Степану Писахову, Фёдору Абрамову; потихоньку, помаленьку вынимаю из души воспоминания детства. Это будет книга с моими текстами и картинками, что перекликается с работами Павла Кренёва (Поздеева), моего давнего друга и земляка, который заказывал иконостас для своей церквушки в родной деревне Лопшеньга моей дочке Юле. Мы с моей берегинюшкой Верой Афанасьевной перечитываем его прозу и находим в душе нежные отзвуки, которые уносят нас в милое детство; и есть места в Пашиных текстах, которые хочется нарисовать как своё, родное, пережитое...» И осуществит, несмотря всю его востребованность. Он — ЧЕЛОВЕК РУССКОГО СЕВЕРА.